

Ша Ли вспомнил, как той ночью он непристойно сидел на ковре. Контраст между тогдашней беспомощностью, опустошением и нынешней железной, холодной безжалостностью был слишком разительным.

И ещё те слова: [Сяо Дун похож на тётю Тянь, всегда всё по дому делает ловко, и человек он отзывчивый...]

Слишком уж отзывчивый — это когда лезешь без спросу со своим усердием!

Мо Фэй срочно вылетел за границу для встречи не по делам, не по работе, а только чтобы поговорить с Ван Цзыцзянем. Видно, как сильно он был этим озабочен.

— Второй брат, спаси меня. Ты же всегда был готов мне помочь. Шевельни хоть пальцем, и мне бы не было так мучительно.

[Чёрт возьми, да он ещё и болезненный подросток.]

— Думаешь, я такой же трус, как Ван Цзыцзянь? — Мо Фэй резко дёрнул, и край пальто, который сжимал Сяо Дун, выскользнул из его рук. Редко видели его таким импульсивным. За пару движений он снял пальто и швырнул его на пол.

Бросить одежду было даже эффективнее, чем бросить человека. Ручная работа высшего класса стоимостью больше двухсот тысяч, надетое меньше часа назад, — и вот оно уже валяется.

[Ведь такую одежду нельзя стирать... Сердце Ша Ли обливалось кровью от сожаления.]

— Контракт подписан, — сказал Мо Фэй, мельком взглянув на Чжоу Тана.

Тот, словно по сговоренности, достал из своего портфеля документ и положил на журнальный столик:

— Помнишь, о чём тебе ранее говорил адвокат Яо?

— Не помню, не понимаю, не хочу...

Ша Ли испытывал отвращение. Глядя на это тройное отрицание, понимаешь — [стойкий мужчина].

— При жизни Ван Цзыцзянь поручил адвокату обратиться ко мне для оформления этого. Я лишь исполняю его волю. Подписывай.

— Второй брат, знаешь, когда мы делили таблетки, он сказал мне, что больше никогда не будет гоняться за какими-либо заказами. Купит дом на колёсах и повезёт меня в кругосветное путешествие. Куда скажу, туда и поедет. Потом я ждал больше десяти минут. Ему было уже невыносимо больно, а я ещё ничего не чувствовал. Тогда он велел мне зайти в его аккаунт и отправить сообщение: сфотографировать таблетки и выложить, посмотреть, через сколько у других проявится реакция. Я смотрел, как он испустил дух...

Ван Цзыцзянь перевёл всё своё имущество на имя Сяо Дуна. Завещание было составлено за день до смерти, при трёх адвокатах.

Завершив оформление, он взял бутылку с едкой жидкостью, бутылку с острым маслом...

[Чёртово острое масло, такой ход... Не зря он был большой шишкой.]

— Этот Сяо Дун и не думал умирать. Ван Цзыцзянь наверняка знал.

Тема была слишком тяжёлой. Ша Ли в машине попытался разрядить обстановку, но получилось только ещё более неловко.

Вернувшись домой и закрыв за собой дверь, он, глядя на всё ещё холодное лицо Мо Фэя, тут же протянул руки, превратившись в коалу.

Мо Фэй, под тяжестью повиснув на шее, наконец наклонился и укусил его за щёку, оставив след от зубов.

— Второй брат, давай бутылочку острого масла, ядом исцелять яд?

Эти слова явно просились подзатыльника. Мо Фэй наконец превратился в Тань Ци и погнался за ним по комнате, желая проучить. Но тот оказался юрким, как сом: едва поймал — дёрнется, и выскользнет.

У господина Мо не было такой удачи. Его весь день донимал глупый [волосатый боб], вечером он ничего не ел, и вскоре после начала погони он снова рухнул на диван, вернувшись к своему амплу высокомерного аристократа.

Ша Ли снова изобразил домочадца, которого бьют и ругают, и, подражая тёте Тянь, приготовил ему чашку горячего какао с молоком.

— Ты уверен, что эта чашка приготовлена для меня? — Мо Фэй едко поинтересовался.

— Конечно, — Ша Ли тут же опустился на колени у его ног. — Второй брат, это я специально заварил на слёзах тоски, копившихся годами. Взгляни на цвет и текстуру — какая насыщенная древность.

Самому ему стало противно слушать, и впредь это точно будет вызывать неприятные ассоциации, эх...

— Тогда прими ты эту чашку слёз тоски.

— Блин, — Ша Ли вспылал, вскочив с пола. Из домочадца он превратился в большого хулигана. — Мелкий, если не ценишь оказанную честь...

Мо Фэй посмотрел на него, слегка запрокинув подбородок, и за секунду большой хулиган почувствовал себя неловко. Облокотившись на подлокотник дивана, он поцеловал те тонкие, холодные губы, затем прижался к его уху и прошептал:

— У этого мелкого есть превосходный способ заставить господина пить, пока не станет невозможно оторваться.

Мо Фэй, сжав губы в улыбке, изобразил высокомерие:

— Да?

— Слышал, в одной островной стране есть [нэтамари]...

— Я предпочитаю класть на него только что пожаренный стейк и медленно разрезать ножом и вилкой.

Подшутив над ним, Мо Фэй встал, потрепал его по волосам и направился наверх.

У аристократа сегодня было не самое лучшее настроение, и он решил оставить маленького [волосатика] в одиночестве.

Он смотрел, как Мо Фэй поднимается по лестнице, заходит в свою комнату и закрывает дверь, затем покорно уселся на диван, на то место, где только что сидел тот.

Человек только что ушёл, остаточное тепло ещё не рассеялось. Горячий шоколад был очень вкусным. Чтобы сделать его ещё ароматнее, он специально добавил немного корицы...

— Эх...

* * *

Карьера Ша Ли по подаче заявок наконец-то вышла из тупика к новым горизонтам. Новая глава его космического романа была загружена всего лишь однажды.

Проницательный редактор сразу же постучал к нему и забрал его к себе.

— Не правда ли, это повод для радости и поздравлений?

Рано утром Ша Ли постучал в дверь спальни Мо Фэя, показывая ему на телефоне короткое сообщение. Несколько слов заставили его взвизгнуть и запрыгать на месте.

— Тань Ци сказал, что скоро привезёт завтрак, — Мо Фэй взглянул на него ниже шеи. — Иди оденься!

— Есть, господин!

* * *

Тот ублюдок Тань Ци не привёз завтрак. Еду принёс Чжоу Тан.

Мо Фэй решил: раз нет тёти Тянь, нужно найти другую домработницу.

Во время послеобеденного сна Ша Ли, лёжа в кровати, стал перечислять свои требования к новой домработнице.

— Тётя Тянь обычно приходила около пяти утра и уходила почти в девять вечера. Хотя иногда и отдыхала в своей комнате, она была как трудолюбивый буйвол — работала спокойно и аккуратно.

— Тётя Тянь проработала в том доме больше двадцати лет.

— У вас в семье были домработницы, которые работали дольше тёти Тянь?

— Были, — Мо Фэй взглянул на его личико, полное ожидания, и окатил холодной водой:

— Управляющий проработал сорок лет и уже с почётом вышел на пенсию.

Ша Ли выпрямился и, указывая на Мо Фэя, заявил:

— Парень, ты испортился. Верни мне высокомерного босса, утончённого второго брата.

Тот схватил указывающую на него руку, перевернул его, и, шлёпнув, низким, соблазнительным голосом прошептал на ухо:

— Подними повыше. Сейчас же верну.

.....

Внизу раздался звонок дверного звонка. Двое, усердно [трудившихся] на кровати, раздосадовано разъединились.

Мо Фэй спустился с кровати и, сдерживая носовой звук, сказал:

— Иди первый, открой дверь!

Аристократ двумя шагами направился в ванную. Не помывшись и не переодевшись, он даже выйти за дверь не мог. Груз имиджа был тяжёл, и он складывался из времени и драгоценных водных ресурсов.

Послышался шум воды. Ша Ли застегнул пуговицы на рубашке, взглянул на время и спустился вниз.

.....

Тот, кто звонил в дверь, явно нервничал. Всего пять близких людей знали, что Мо Фэй живёт здесь, включая его самого. В данный момент легко было догадаться — это был [ублюдок].

Хуан Лай был повышен до [ублюдка] и, не подводя, привёл с собой невероятно красивую девушку, от которой становилось стыдно за собственную внешность.

Девушка была изящна и элегантна, её аккуратные длинные волосы были безупречно уложены. Под тяжёлым шифоновым платьем, помимо красивых ног, больше всего привлекали внимание туфли. Пушистые зайчики, прикрепленные к ним, вызвали противоречивые чувства.

— Знакомься, это Ша Ли, — Тань Ци, которого не видели пару дней, сменил серебристые волосы на чёрные, причёска стала строгой. Очевидно, хотел [подражать уродству], копируя их Мо Фэй.

[Пф!]

— Ша Ли, милое имя. Я думала, это девочка, — девушка протянула руку, изящную, как нефритовая резьба.

Ша Ли поспешно вытер свою только что державшую кое-что чувствительное руку об домашнюю одежду и торжественно пожал её:

— Моё [Ли] — это [Ли] от [сильный], неприметное... хе-хе...

Тань Ци с довольным видом наблюдал за его попытками быть остроумным. Ша Ли, продержав руку в рукопожатии полминуты и не дождавшись продолжения, пнул его ногой по штанине:

— Представляй! Стоишь рядом с красивой девушкой, и сразу твоя сущность хаски проявляется?

Тань Ци сказал:

— Зови сестрой Фэйфэй.

Сестра Фэй...

При знакомстве с новыми людьми их пригласили в дом, усадили на диван, и почти десять минут длился обмен вежливыми людьми, прежде чем [второй брат] наконец-то соизволил появиться.

Волосы были вымыты, но не высушены, беспорядочно спадали, несколько непослушных прядей свисали на лоб. Чётко очерченное лицо с лёгкой улыбкой, увидев сестру Фэй, лишь кивнуло.

Он, вероятно, не знал, что будут другие гости, поэтому был в облегающей футболке и пижамных штанах. Даже встречая выросшего вместе Сяо Дуна, он так не одевался.

Однако аристократ обладал талантом носить пижамные штаны и футболку с достоинством короля. Садясь, он излучал ту мягкую, но острую ауру, от которой его поклонник Ша Ли не мог удержаться от внутреннего ликования.

<http://bllate.org/book/15592/1390255>